

ГОРОДИТЕАТР

1. «КРАСНЫЙ ФАКЕЛ»: ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

Как сам «Красный факел», вступающий в этом году в свое шестидесятилетие, так и город, будучи ставшей своего театра всего на какую-то четверть века, теперь уже немалым без него. Правда, их общая история началась лишь с 1932 года. Тогда город только обрел черты той громадины, какой он стал теперь: театр же, созданный в Омске сразу после окончания гражданской войны, перешагнув к тому времени порог второго десятилетия. Но зато они, как видно, хорошо подошли друг другу. Пересалка типично южного дитяща, каким был в ту пору «Красный факел», на сибирскую почву явно пошла на пользу обоим. Молодой, не без отвлеченно-романтических устремлений коллектив обогатил духовно горожан и сам же, переняв от них толку бесценных черт сибирского характера, наполнился свежими силами, обрета с годами свое подлинное лицо.

Именно в предвоенные годы «Красный факел», с переездом в Новосибирск широко обратившись к произведениям молодой советской драматургии, а также к русской классике, заложил базу своего могучего взлета в первые 15 послевоенных лет. Этот взлет сделал его известным всей стране. Редким периферийным театрам выпадает такая судьба, когда его знают, про него слышали даже те, кому вообще не доводилось переступать порога его зрительного зала. Молва стоуста, она способна прозвенеть осану всюду, куда только способна добжаться. Но для этого нужно не один и не два раза заставить заговорить о себе, добиться не просто успеха, но создать цепь успехов, обрести признание, убедительное для всех. В течение не малого времени будучи на гребне подъема, «Красный факел» сумел достичь этого.

Значительную часть заслуженного успеха следует отнести на счет художественного кормчего коллектива тех лет — Веры Павловны Редьки, бессменного режиссера «Красного факела» с момента его перебазирирования в Новосибирск и главным его режиссера с 1943 по 1960 год.

Думаю, что столь высокая оценка заслуг одного лица в успехе, сотворенном коллективом, не будет воспринята как принижение заслуг этого коллектива. Да, театр всегда творит именно коллектив, и все же...

В сегодняшних спорах о характере сложившейся на рубеже 80-х годов театральной ситуации обозначилось, как самая болевая точка, место сопряжения режиссера и актера. И болевая эта точка связана не с чем иным — с глубинным осозна-

нием роли и значения режиссера в сценическом творчестве. Именно режиссера, потому что роль и значение актера в этом творчестве достаточно ясны сами по себе. Остается, следовательно, точно определить место, отводимое в этом режиссеру, «человеку со стороны», и формы его участия в создании того, что потом идет к зрителю. Начинается с этого, а кончается и вовсе самым главным — ролью и значением режиссера в том, какой в конечном итоге театр творит вот этот, ведомый и руководимый им коллектив. Определяет ли он лицо театра (без этого лицу не сложиться), а если определяет, то какой ценой — не подавлением ли как раз лучшего, что есть в коллективе, как это нередко бывает? А если не подавляет, то дает ли ему хоть что-нибудь? (Сколько же бывает, что не дает). А если дает, если открывает подлинную перспективу движения и роста, то отскачет ли это характеру самого театра, его традиция?

О том, как важно последнее, говорить не приходится. Это именно то, чего так жаждут многие и многие наши театральные коллективы, для которых подобное, как говорят, пока не светит. Надо полагать, в эти полтора десятилетия и в «Красном факеле» не все было гладко, без сучка и задоринки — в творческом деле такое и вообразить невозможно. Но достигнутое тогда было бы немалым, не будь в нем соавторства режиссера и актера — их единомыслия — название как хотите.

То, что пришло здесь потом, легче всего назвать скатыванием вниз. Вернее же сказать так: шла последняя жизнь. С горечью и топтаньем на месте, взлетами и падениями. Но кривая эта, соединяющая верхние и нижние точки, выглядела достаточно спокойной, чтобы радовать или вызывать тревогу.

За эти годы тут прошли всякие главы и очередные режиссеры — хорошие и плохие. И спектакли появлялись разные — хорошие и плохие. Не было главного — стабильности — той, что рождает поле напряжения, энергию движения вверх. Особенно трудно складывались для театра 70-е годы. Всего же здесь сменялось четыре главных и пришел пятый. Уже одного этого достаточно, чтобы театр утратил ясность перспективы.

Это были самые горячие годы города, годы его бурного роста, численности его населения тоже. С театром же было иначе. У него, говоря шахматным языком, происходила малозаметная, но тем и опасная потеря качества. Складывалась в общем-то парадоксальная ситуация: город подходил к полуторамиллионной черте, но его рост никак не отражался на заполненности зрительного зала «Красного факела», кото-

рая так и оставалась где-то в районе плановой, то есть немногим более 60 процентов.

Можно, конечно, попытаться стать выше этого показателя, который, разумеется, не связан впрямую с качеством спектаклей и как тем более не является критерием их содержательности. (Например, пресловутая «Мисс Пайпер ведет следствие» за пять лет своего неизменного присутствия в репертуаре прошла свыше 220 раз, дав довольно высокую среднюю цифру посещения — около 600 зрителей. В то время как иной «серьезный» спектакль не набирает и четырехсот). Но кто может опспорить простую истину, что это самый точный показатель зрительского интереса к театру, своеобразный коэффициент любви города к нему?

Причины прохладных — иначе не назовешь, к сожалению, — отношений города к театру самые, понятные, разные. Неоднозначно и объяснение их. Здесь можно, например, услышать тезис о «неадекватности» города. Но театральным город делая не что иное, как хороший театр. Делаются скидки на неудобство зрительного зала, вытянутого в длину, узкого, с целыми рядами «мертвых» мест. Можно принять и эту ссылку. Ссылаются, разумеется, еще и другие факторы. Их может быть множество. Но противостоять их действию может только одно: настоящее воспитание хороших спектаклями вкуса к театру. Иного просто не дано.

В этом главном картина последних 10 лет была далека от желаемой. С удручающей последовательностью спектакли здесь появлялись и исчезали, не оставляя после себя ни доброй памяти, ни сожаления об их скоротечной судьбе. Из таких «молотковых созданий» наберется иррадный список. Как там ни говори, к удачам их не отнесешь — это к вопросу о качестве. Составлял же они более половины от общего числа постановок — так обстоит дело с количеством. Каждое второе «дичья», таким образом, было обречено на гибель, едва успев родиться. Для театра подобный отход — роскошь невозможительная.

И что характерно — такая закономерность не обходит и названия, в других театрах обыченно имеют значением более долговую жизнь. Назову для примера «Протокол одного заседания» (не продлился в репертуаре и одного сезона), не дотянул даже до 30 представлений спектакль «Солдатская вдова», и того меньше — с полгода — значилась в афише «Мои Надежды», пройдя всего 19 раз.

Такая же участь постигает здесь классику. Один сезон — время жизни постановленных здесь в разные годы «Вишневого сада», «Талантов

и поклонников». «Униженных и оскорбленных». (Исключение «Пучина» — три года). Допускаю, что не все из классических постановок были так уж плохи и что слабое их посещение может натолкнуть на мысль об отсутствии вкуса к ним у части зрителей. Но чем же тогда объяснить отсутствие вкуса к классике у самих режиссеров «Красного факела», явно избегавших встреч с ней в репетиционных залах?

Имют место, конечно, и спектакли, надолго остающиеся в репертуаре. Об абсолютном «рекорде» «Мисс Пайпер» уже говорилось. Но справедливости ради скажу, что афиша «Красного факела» последних лет знала приморсы и посерьезнее. По достоинству украшали ее немало сезонов «Энергичные люди» В. Шукшина. По нескольким лет шли «Сослуживцы» Э. Рязанова и Э. Брагинского. Более чем по полтора года раз показывались, и по сей день остаются в репертуаре, спектакли «Старомодная комедия» А. Арбузова, «Поговорим о странностях любви» В. Пановой. Список, как видите, довольно пестрый и по значимости названий неравноценный.

Можно ли по нему составить определенное суждение о двух основополагающих моментах творческой жизни коллектива — репертуаре и прокате этого репертуара? Нет надобности доказывать, что в них заключена та самая программа, которая определяет творческий облик театра, его физиономию в ряду других.

По всем приведенным названиям будет крайне трудно, что касается нынешнего «Красного факела», вывести эту программу. Несомненно лишь то, что в основу формирования афиши берется, как отмечалось выше, та самая «репертурная» пьеса, название которой примелькалось в общественной прессе (с явным уклоном в комедионно-зрелищную сторону), и «методом проб и ошибок» — большим количеством премьер, выходящих одна за другой, — выискивается дальнейшая судьба спектакля. Присмет зритель — значит быть по сему. Не пойдет — лихорадочно ищется другая пьеса, другая «верняка». Когда репертурная оглядка настолько выедается в практику, ни о какой, понятно, режиссерской инициативе, ни о каком серьезном стремлении создать свою программу, художественный облик театра уже не может быть и речи. Особенно губительным образом практика эта сказалась на давней и плодотворной традиции «Красного факела» — настоящей работе с местными авторами, которые теперь ставятся где угодно, но только не в Новосибирске.

Растяннутая на долгие годы, такая репертурная «политика» медленно, но верно подтачивала доверие города

к своему театру. Значит, тем решительнее всем этим отрицательным факторам, разбавляющим их, должен быть противопоставлен тот единственный высокий идейно-художественный уровень спектаклей, строгий и вызывающий отбор пьес для постановок.

Выйти в этом на новый рубеж от «Красного факела» требует не только «высокая марка» театра, известного всей стране, но и его престижное положение ведущего культурного очага города, ставшего в настоящее время символом могущества Советской Сибири. Место такого театра в духовной жизни города трудно переоценить, тем более такого города, пережившего ярчайший расцвет буквально на глазах живущих поколений, вдохновленных словом партии. Высокой ее задач. «Разрыв в материальном и духовном развитии допускать нельзя», — сказал в своей недавней речи Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, — это грозило бы многим бедствиям. Здесь надо всегда помнить, что усиление воздействующей силы нашего искусства, театра в том числе, является одной из важнейших областей идеологической, политической-воспитательной работы. В этом призывает и деятелей искусства, и партийных работников известное постановление ЦК КПСС по этим вопросам.

Можно с полным основанием сказать, что для претворения в жизнь принятых решений по дальнейшему развитию идеологической работы в городе и области сделано немало. Но несомненно и то, что предстоит сделать еще больше. И что касается обогащения творческой практики «Красного факела» особенно.

Хотя нынешним руководством «Красного факела» — главным режиссером С. Иоанниди и совсем недавно вступившим в должность директором А. Дорожки, одним из ведущих актеров группы, — и предпринимается многое для изменения ситуации в лучшую сторону, хотя этого же в последнее время уделяется значительно больше внимания партийными и советскими органами области, переломный момент в этом отношении, думается, еще не обозначился. Можно говорить пока только о сдвигах, первых, робких. Сделанное нуждается в поддержке — в выходе на более высокий уровень творческой жизни, в создании спектаклей, которые становились бы явлением, заметным событием в культурной жизни города.

Переломная точка лежит именно здесь. Но это как раз и самый трудно достижимый пункт, это хорошо сознают в самом театре. И все теперь будет зависеть от того, как пойдут дела на этом главном направлении движения.

В. ШИРОКИЙ,
наш спец. корр.
НОВОСИБИРСК.